

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ГЛОСС В ТЕКСТАХ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ М.И.ШЕВЕРДИНА

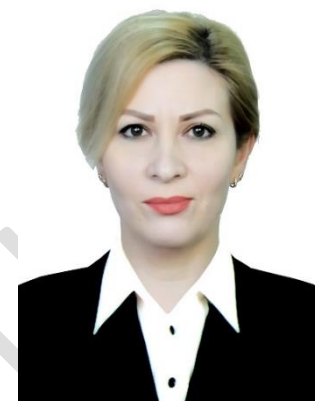
*Хакимова Халима Ринатовна, самостоятельный
соискатель
НОУ «Университет Маъмуна»*

M.I. SHEVERDIN TARIXIY ROMANLARI MATNLARIDAGI GLOSSALARNING SO‘Z YASASH IMKONIYATLARI HAQIDA

*Hakimova Halima Rinatovna, “Ma’mun universiteti” NTM
mustaqil tadqiqotchisi*

TO THE QUESTION OF WORD-FORMING POSSIBILITIES OF GLOSS IN THE TEXTS OF HISTORICAL NOVELS BY M.I.SHEVERDIN

*Khakimova Khalima Rinatovna, independent applicant
“University of Ma’mun”*

<https://orcid.org/0009-0007-4357-9808>

e-mail:

halimushka1@gmail.com

Annotatsiya: Ushbu maqolada glossalarning so‘z yasash imkoniyatlari tadqiq qilingan. Material sifatida M.I.Sheverdinning tarixiy romanlari matnlari tanlangan. Bir glossadan bir nechta yasama so‘z hosil qilinishi aniqlangan bo‘lib, bu borada eng sermahsul birlik “кишлак” glossasi ekanligi isbotlangan.

Kalit so‘zlar: glossa, M.I.Sheverdin, so‘z yasash, tarixiy roman, derivat, yasama so‘z.

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о словообразовательных возможностях глосс. В качестве материала исследования послужили тексты исторических романов М.И.Шевердина. Было установлено, что на базе некоторых единиц может быть образовано несколько дериватов. Самой продуктивной глоссой в этом плане явилась единица «кишлак».

Ключевые слова: глосса, М.И.Шевердин, словообразование, исторический роман, дериват, производная основа, производящая основа.

Abstract: This article examines the word-formation capabilities of glosses. The texts of historical novels by Mikhail Sheverdin served as the research material. It was found that several derivatives can be formed on the basis of some units. The most productive unit in this regard was the unit “кишлак”.

Key words: gloss, Mikhail Sheverdin, word-formation, historical novel, derivative, derivative word.

ВВЕДЕНИЕ. Проблема изучения словообразовательных возможностей глосс, в частности на материале произведений М.И.Шевердина является вопросом, который детально не изучен учеными-лингвистами. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, подобные единицы стали предметом изучения

еще с недавних времен. Собственно, в лингвистической науке исследованы лишь следующие особенности глосс: проблема глоссирования и внутритекстового толкования[3], глоссы как компонент текста[5], их роль в историческом тексте XVIII века[4], глоссирование в качестве лексикографического

приёма[2], а также приёма редактирования исторического текста[1]. Как видим, масштабные исследования проводились в основном на материале исторических текстов. Вторая причина заключается в том, что произведения М.И.Шеввердина после распада СССР не изучались в лингвистическом плане. Доказательством служит факт рассмотрения его творчества в ряду «забытых писателей» в рамках конференций, коллективных трудов последних лет[6]. Результаты исследования деривационных возможностей глосс в текстах исторических романов позволяют рассмотреть вопрос об их адаптации в русском языке XX века.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Эмпирической базой исследования послужили тексты следующих исторических романов М.И.Шеввердина: «Санджар Непобедимый» (1946), «По волчьему следу» (1951), «Паутина» (1958), «Агатовый перстень» (1958), «Тени пустыни» (1963), «Семь смертных грехов» (1967), «Перешагни бездну» (1974), «Колесница Джагарнаута» (1977), «Джейхун» (1980), «Дервиш света» (1982), «Взвихрен красный песок» (1984), «Вверяю сердце бурям» (1988). Выбор данных произведений обусловлен их насыщенностью глоссами – словами и выражениями, поясняющими устаревшую, диалектную или малоизвестную лексику.

В ходе сплошной выборки в целях демонстрации деривационного потенциала глосс из указанных текстов было выписано 37 единиц, которые выступают в качестве производящей основы.

Для изучения словообразовательного потенциала глосс были применены следующие методы исследования:

1. Описательный метод, предполагающий систематизацию и классификацию языкового материала;
2. Структурно-словообразовательный анализ, нацеленный на выявление словообразовательных моделей, по которым образованы новые единицы на базе глосс;
3. Сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий определить специфику словообразовательных возможностей глосс в сопоставлении с общеупотребительной лексикой;

4. Элементы количественного анализа для установления продуктивности различных словообразовательных типов и моделей.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Всего в текстах исторических романов М.И.Шеввердина нами было обнаружено 37 единиц, выступающих в качестве производящей основы. Среди них наиболее продуктивной оказалась глосса *кишлак*, от которого автором образованы дериваты *кишлакский*, *кишлачишко*, *кишлачник*, *кишлачица*, *кишлачный*, *кишлачок*, *предкишлачный* (7 единиц). Рассмотрим примеры употребления производных от данной глоссы в тексте конкретных произведений писателя:

... полетел под уклон по ровной и твёрдой, как паркет, *предкишлачной* площади [Набат. Агатовый перстень, с. 131];

Прибежали кишлакские парни [По волчьим следам, с. 63];

Кишлачишко попался пастушеский, темный [Набат. Агатовый перстень, с. 131];

... *кишлачники* не идут, не работают вместе с вами? [Санджар Непобедимый, с. 374];

С *протянутыми руками*, ... с *растрепанными волосами кишлачицы* ворвались на площадку [Набат. Паутина, с. 271];

Молиар продавал на кишлачном базарчике мешок гороха [Перешагни бездну, с. 461];

Сквозь туман, застилавший глаза, он видел ... *игрушечный мост, кишлачок, всадника...* [Набат. Агатовый перстень, с. 461].

Четыре производных слова образованы от глоссы *дервиш* (*дервишеский*, *дервишский*, *недервишский*, *по-дервишески*) и 3 единицы от *калтаман* (*калтаманить*, *калтаманский*, *калтаманство*). К глоссам, которые являются производящим словом для двух дериватов, мы отнесли топонимы *Афтобруи* (*афтобруинец*, *афтобруинский*), *Гюмиштепе* (*гюмиштепинец*, *гюмиштепинский*), *Чуян-тепа* (*чуянтепинец*, *чуянтепинский*). Также по 2 деривата М.И.Шеввердин образует от слов *дехканин* (*дехканский*, *дехканство*), *ференг* (*ференгистский*, *ференгский*) и *шиит* (*шиитизм*, *шиитский*), обозначающих человека. Помимо этого, местное обозначение жандармерии – *тахминат* – послужило основой для производства 2 дериватов (*тахминатский*, *тахминатчик*). Остальные 27 глосс, выступающих в качестве мотивирующей основы,

образуют по одному деривату. Их мы рассмотрим с конкретными примерами из произведений писателя. Значение единиц указано автором в приложении к произведению либо в качестве концевой сноски на конкретной странице употребления глоссы в тексте того или иного романа.

Аджам – иноземный¹: *нежил и лелеял ее, точно аджамскую царевну из сказок* [Набат. Паутина, с. 376];

Аламан → военный набег: *когда ее привезли из Келата аламаницы и омуды, за нее на базаре давали сто двадцать золотых тиллей* [Тени пустыни, с. 36];

Аллемани → немцы: *Аллеманский пророк Гейдар совсем уж одолел великого северного соседа Ирана* [Колесница Джагарнаута, с. 322];

Аскер → стражник: *Такие морды он помнил у анатолийских крестьян и пастухов, одетых в аскерскую форму* [Набат. Паутина, с. 243];

Боихатын → старшая жена: *боихатынскому соглядатаю указал место в конце дастархана* [Перешагни бездну, с. 535];

Газий → борец за веру: *Не очень-то рассчитывал со своим здоровьем Георгий Иванович на «газийские» подвиги* [Дервиш света, с. 237];

Дастархан → скатерть: *При виде всего изобилия дастарханного сердце у нас запело* [Дервиш света, с. 135];

Джадид → буржуазные националисты: *...никто не мог прямо обвинить его в джадидских воззрениях* [Перешагни бездну, с. 210]. Как видим, автором представители национально-освободительного движения приравниваются к националистам, что, следовательно, соответствовало принципам господствовавшей в тот период коммунистической идеологии.

Джихад → война за веру: *... за участие джихадистов в газавате* [По волчьим следам, с. 378];

Домулла → ученый человек, учитель: *... гармонировала строгая домуллинская чалма и*

белый халат ангорской шерсти... [Вверяю сердце бурям, с. 270];

Имам → настоятель мечети: *... и в нем были мечети, где ваше имамство, — а вы, наверное, имам* [Санджар Непобедимый, с. 177];

Инглиз → англичанин: *Даже если оно — инглизское золото...* [Тени пустыни, с. 103];

Казий → судья: *... а казийский суд, слава аллаху, существует в Бухаре еще со времени халифа Моавия* [Санджар Непобедимый, с. 358];

Кзыляяк → бандит: *...стены увешаны гранатового цвета ахалтекинскими, салорскими, кзыляякскими, иомудскими коврами* [Санджар Непобедимый, с. 213];

Кукнар → мак опиума: *Хотел бы я знать, а сколько здесь сейчас эмирских джасусов — соглядатаев — среди этих презренных кукнаристов* [Вверяю сердце бурям, с. 52];

Кязриз → водовыводная галерея: *Глубина кязризного колодца превысила все предположения* [Колесница Джагарнаута, с. 26];

Кяфир → неверный: *Всё у тебя московское, кяфирское* [Набат. Агатовый перстень, с. 397];

Махалля → квартал: *восседал на особо почетном месте имам махаллинской мечети* [Санджар Непобедимый, с. 306];

Маиш → зернобобовое растение: *...тот день в Байсуне готовили в основном машевую кашу и бешибармак* [Санджар Непобедимый, с. 150];

Мерген → охотник: *но не для того, чтобы легче было добраться до мергенового жилища* [Вверяю сердце бурям, с. 62];

Мюршид → глава дервишеского ордена: *полные любопытства, у мазара и мюршидских шатров, постоянно готовые принести из источника воды* [Колесница Джагарнаута, с. 92];

Овринг → искусственный карниз на горной тропе: *заскрипели и затрещали овринговы лестницы* [Перешагни бездну, с. 614];

Пахса → глиняное ограждение: *...отхожего места, находящегося за боковой дверью, грубо врубленной в глиняную пахсовую стену* [Дервиш света, с. 182];

¹ В арабском языке слово «аджам» используется для обозначения людей, говорящих на других языках, отличных от арабского. Обычно это относится к иностранцам или неарабам. В историческом контексте

единица «аджам» часто употреблялась для описания персов или других народов, которые жили в пределах исламского мира, но не говорили на арабском языке.

Хауз → пруд: *Доктор наблюдает, как водонос – машкоб – поит из своей пиалы сырой хаузной водой всех желающих* [Дервиш света, с. 215];

Хашар → общественная работа: ...о «казу» – *всенародных хашарных работах в каналах* [Семь смертных грехов. Книга первая, с. 60];

Шариат → мусульманский кодекс: *Он презирал шариатских законоведов* [Дервиш света, с. 234];

Югурдак → мальчик на побегушках: ... *доволен своим югардакством* [По волчьим следам, с. 586].

Как видим, М.И.Шевердин на базе глосс – имен существительных в основном образует имена прилагательные с помощью исконных словообразовательных моделей и формантов современного русского языка. Среди единиц, которые адаптировались в русском языке, можно назвать глоссы *дехканский* и *шариатский*. Остальные дериваты не прошли этап лексикографической кодификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Глоссы как уникальные единицы представляют собой весьма ценный материал в культурно-языковом плане. Подобные единицы, функционирующие в текстах исторических романов М.И.Шевердина, представляют собой понятия, отражающие национальный колорит, особенности восточного быта и вероисповедания. У писателя они «без затруднения» вступают в деривационные отношения, соединяясь со словообразовательными формантами русского языка. Следует отметить, что глоссы демонстрируют высокую деривационную активность в текстах рассматриваемых произведений.

Анализ словообразовательных моделей, реализуемых в глоссах, показал их тяготение к традиционным способам словопроизводства,

среди которых преобладает суффиксация, отражающая национально-культурную специфику русского словообразования.

Рассмотренные нами примеры и выявленные особенности словообразования глосс свидетельствуют о том, что они выполняют функцию важного средства репрезентации, особого подчеркивания в художественном тексте специфики описываемых историко-культурных реалий, характерных для восточных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баранкова Г.С. Глоссирование как прием редактирования в списках поздней русской редакции «Шестоднева» // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. – М.: Наука, 1982.
2. Коваленко К.И. Глоссирование как лексикографический прием (на материале азбуковников XVII века) // И.И.Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И.Срезневского. – Рязань, 2017.
3. Малышев А.А. Глоссирование vs внутритекстовое толкование лексики: терминологические точки соприкосновения в отношении текстов XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2019. №1 (178).
4. Чумандрина М.М. Роль глосс в изучении лексико-семантических отношений первой трети XVIII века // Развитие синонимических отношений в русском языке второй половины XVII века. – Казань: КазГУ, 1972.
5. Шаймерденова Н.Ж. Глоссы как феномен текста. – Алматы: Борки, 1998. 156 с.
6. Юхнова И.С. Образ врага в творчестве М.И. Шевердина // Забытые писатели. – М.: Свое издательство. – 360 с.

